

Дунаевский Исаак

Москва, Комсомолес 2000
14 февр. - С.8

Каким он был...

Трудно представить, каким воспринимали Дунаевского его современники. Пожалуй, живее всех это сделала чудная женщина, одна из тех, с кем Исаак Дунаевский дружил долгие годы, — Татьяна Николаевна Мачабели (из старинного грузинского княжеского рода), жена знаменитого в довоенное время дирижера Малого театра Анатолия Паппа.

«Я тогда только-только приехала в Москву из глухой грузинской деревеньки, девчонка совсем — семнадцать лет, вышла замуж за знаменитого Анатолия Паппа, и в первое же наше медовое лето он увез меня отдыхать в Дом творчества композиторов Ольгино, под Ленинградом. Приезжаем. У меня мрачное настроение. Муж пошел оформлять документы. Я села на скамейку вся «в грустях» и вдруг вижу — по аллее идет какой-то тип. В пиджаке из штапеля, в зубах огромная папирота. На голове — небольшая лысина. Штаны, каждая в полметра, как вечернее платье, развеваются. Подошел он ко мне, сел рядом. Говорит: «Что, на работу приехала?»

— Да, говорю, на работу. — А сама думаю: «Чего ему надо? Ладно, хотя бы разузнаю, как отсюда выбраться». — Скажите, пожалуйста, а на электричке отсюда до Невского проспекта доехать можно?

— Ну вообще-то, чтобы доехать до Невского, нужно на троллейбусе ехать, — отвечает тип. — А что тебя там интересует?

— Да я хочу купить себе косу накладную. Он наклонился ко мне и шепотом говорит: «Ты знаешь, я тоже, пожалуй, с тобой поеду в парикмахерскую?»

— А вам зачем? — смотрю я на него удивленно. Он нагибает голову, показывает на макушку и говорит:

— Видишь, у меня тут волос нет совершенно, а косой я себе прикрою, и будет ничего!

Я как захохотала! Вдруг слышу, кого-то кличут. То ли Милу, то ли Митю, он отзывается:

— Я здесь!

Я спрашиваю:

— А вас как зовут?

— Дуня, — отвечает он.

— Как? — переспрашиваю я.

— Дуня, — повторяет он.

Начинаю осторожно от него отодвигаться. В это время вышел мой муж, я бегом к нему:

— Слушай, там псих какой-то сидит. Я боюсь.

— Он к тебе приставал?

— Нет. Он сказал, что его зовут Дуня.

Мой муж с распростертыми объятиями бросается к этому ненормальному, целуется с ним:

— Исаак Осипович, дорогой! Как я рад вас видеть!

Ну, думаю, чего-то я в этих мужчинах не понимаю. Я спрашиваю:

— А кто это, Исаак Осипович, — работник местный?

— Ты что? Это же сам Дунаевский!

Тут я обалдела! Это была фантастика! Вы себе сейчас представить не можете, что значило в те годы увидеть живого Дунаевского. Ни один композитор не был так популярен, как Исаак Осипович. Его визитная карточка, придуманная для Орловой: «Я из пушки в небо уйду...» звучала со всех радиотарелок...

Дружба, любовь, дети

Он умел по-настоящему дружить и щедро одаривать человеческой дружбой. Вокруг него быстро плодились те, которые называли себя потом его друзьями и учениками, но по-настоящему близок он был с немногими.

Татьяна Мачабели-Паппа продолжает: «Весело мы жили в композиторском Ольгино... Изю всех углов Дома творчества доносились: «Съезд на носу, не успею написать. Надо работать». Тогда же писали оперы к серьезным датам. Композитор Желобинский писал к съезду оперу «Мать» по Горькому, а Фарди писал оперу «Щорс».

Один Исаак Осипович никуда не спешил. Он писал оперетту.

Мой муж постоянно разговаривал с Дунаевским на всякие музыкальные темы, а я с Зинаидой Сергеев-

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ВЕЧЕР

КВАЛИФИКАЦИЯ
ДИПЛОМ
ПРО
РУТ...

КАЗИРИНОВ В. М.
ИЗДАЙЛОВА А. С.
ЧУЧКА
О ПУТЯХ...

Ученый Дунаевский И. О.
Павлов, Рутковский,
Савин, Назаров, Курбанов,
Матвеев, Савельев, Юрков

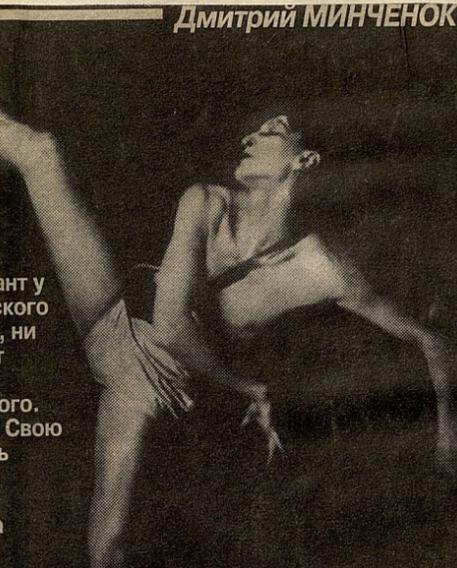
ЭНЕРГА

И. О. Дунаевский

Исааку Дунаевскому — сто лет. В течение всего года на концертных площадках Москвы пройдут юбилейные чествования композитора. Готовится постановка его неизвестного балета и мюзикла. «Легкая музыка» — из-за «легкости незнания». До сих пор превратно судят о якобы идеологизированной музыке композитора.

Уже исчезла та эпоха, как исчезает дискант у взрослеющего юноши. Но песни Дунаевского остались. Они не были обманом ни тогда, ни сейчас. Великие империи реабилитирует великое искусство, которое эти эпохи сопровождает, как конвоир — заключенного. У Дунаевского оказался счастливый дар. Свою музыкальную гармонию он сумел сделать легендой социализма. О неизвестном Дунаевском рассказывает автор первой художественной биографии композитора Дмитрий Минченко.

Дмитрий МИНЧЕНОК

Неизвестный Дунаевский

ной Дунаевской, его женой, — про балет. Зиночка была очаровательной. Роскошные волосы. Фигура, как у Марлен Дитрих. Сидим мы как-то обедаем. Геня начал кривляться за столом. Зина сделала ему строгий выговор. Геня не послушался. Тогда Зинаида Сергеевна говорит Исааку Осиповичу: «Ну, сделай что-нибудь». И вот тут я увидела, что такое Исаак Осипович Дунаевский в действительности. Он положил руку на плечо своего сына и говорит: «Генюшка, ну давай еще две ложечки». И тот сразу успокоился. На детей он производил прямо гипнотическое впечатление. Всю дальнейшую жизнь Евгений Исаакович жил под впечатлением от своего отца, испытывая легкость и тяжесть великой фамилии и став настоящим Хранителем Памяти композитора Дунаевского.

Красный Штраус

Дунаевский был первым, кто создал именно советскую оперетту. Европейского уровня, в одном ряду с творениями Иоганна Штрауса и других корифеев. Но тогда этого еще никто не понимал. Сейчас ее тоже мало вспоминают. «Женихи» называется.

Зинаида в какой-то день мне говорит. «Таточка, что вы все время книги читаете? Я научу вас вышивать». Дала мне нитки, тряпочки, посадила на скамейку, я сижу вышиваю. Подходит ко мне Исаак Осипович, говорит: «Что это ты все время вышиваешь. Может, лучше книги почитаешь?» ...

Как-то Дунаевский мне говорит:

— У меня ужасное настроение. Вот они все (про остальных композиторов) работают, а я работать не могу. — Помолчал, потом говорит:

— Расскажи мне о Тбилиси. Что это за город?

— Ну, хотите, я расскажу вам про баню.

Он тут же оживился:

— Про баню? Это интересно.

— У нас есть бани Арделиани. У них большой фасад, а на фасаде — голубое сияние, и выложены узоры. Он перебил:

— Пора знать, что это называется мозаика. А какая еще достопримечательность?

— Ну, вы спите, а в семь часов утра вас будят криком: «Аба мацони продаем, аба мацони!».

— Что это такое за слово неприличное — «аба»?

— Да это не слово — междометие. По утрам идет по улицам ослик, на ослике два таких мешка лежат — хурджины. Это такие глиняные банки, а мацони — это простокваца. Вот что такое Тбилиси.

— А ты не заметила, — говорит он, — у нас здесь по утрам, как в Тбилиси, тоже криком будят. По-моему, в семь утра. Ты не разобрала, что это кричат? Что-то не очень прилично.

Я говорю:

— Да нет, Исаак Осипович, вроде не слышала.

На следующий день утром слышу истошный женский крик: «Срина», «Срина». Думаю, что за «срина» та-

кая. Спрашиваю в столовой — никто не знает. И так каждое утро... Мы все заинтригованы... Однажды Исаак Осипович приходит утром в столовую довольный, счастливый. Я сразу к нему:

— Что случилось?

Он говорит:

— Я узнал, что кричат по утрам. Теперь мы можем спать спокойно.

Я в нетерпении:

— Что же это за слово?

— У нас здесь живет Ресфесерина — маленькая девочка. Ее по утрам подружики будят. А мы слышим только окончание...

Вот так мы жили. За его шутками, неистощимым весельем проходили годы. По горло заваленный заказами и обещаниями для кино, радио, музыкальных театров, он творил, не переставая надеяться, что самая главная, серьезная вещь у него впереди.

Человек-пароход

В конце 1939 года именем композитора назвали новый советский пароход. Молодое советское государство придумало классный идеологический ход: увековечить живых людей механическими двойниками. Подобной чести при жизни удостоились в то время только Паппанин, Чкалов да Любовь Орлова.

Странно, что Исаак Осипович так никогда и не посетил «свой» корабль. Возможно, причиной тому был какой-то тайный страх перед чудом цивилизации XX века. Да в придачу Дунаевский был вынужден взять своеобразное «шефство» над пароходом своего имени. В него, как в жалобную книгу, пассажиры всех мастей сливали свои обиды на пароходство, на команду, на мир. Он нес и этот крест.

Как Дунаевский и Булгаков оперу писали

22 сентября 1938 года на квартиру Булгакову позвонил художественный руководитель Большого театра Самосуд и предложил ему писать либретто на сюжет Мопассана, добавив, что музыку к нему должен писать Дунаевский. Булгаков загорелся. Дела его обстояли довольно плачевно. Вокруг него сжималось кольцо молчания и недовольства властей. А Дунаевский был на вершине славы, ни одно его произведение не запрещалось. Тандем с ним был гарантией, как казалось Булгакову, «идеологически проходимой» работы.

В тот же вечер писатель отправился в библиотеку. Получил все необходимые материалы по истории Германии и Франции. Решил сразу засесть за работу. Сюжет был почти пролетарский, правильный. Французская проститутка Рашель (пролетарий плоти) убивает немецкого офицера (эксплуататора пролетарской плоти) за то, что тот на пирушке с девицами (считай — пролетарками) несколько раз оскорбил французоз.

Дунаевский необычайно серьезно отнесся к либретто Булгакова. Пришел к Булгакову в гости. Очень внимательно слушал его «актерское» чтение. Потом вскочил, подбежал к роялю и начал тут же импровизировать.

Михаил Афанасьевич пропел мелодию — что-то на тему польки. Дунаевский это запомнил и тут же записал нотами и подарил Булгакову. (Пару лет назад в архивах Ленинки музыковед, профессор Н.Г. Шафер нашел чудо — рукопись Дунаевского с песенкой, сочиненной Булгаковым.)

С начала декабря композитор уехал из Москвы. Булгаков все время просил его поторопиться — закончить с музыкой. Но Дунаевского как будто «заклинило». Можно только гадать о причинах. Музыкальный слух композитора буксовал на мелодекламациях Булгакова. В итоге он написал только увертюру. Не закончил первый акт. А Булгаков надеялся, что титулованный Дунаевский обязательно пробьет их оперу. Но что-то не заладилось на небесах.

А в августе 1939 года между Германией и Россией был заключен пакт о ненападении, и опера, где немцы выставлены в комическом, остротсаристическом духе, стала «непригодной». Так закончилась эта история.

У Исаака Осиповича кроме переписки с Булгаковым остался в доме подарок Михаила Афанасьевича — книжка Гофмана «Кавалер Глюк», которую Булгаков подарил Дунаевскому с трогательной надписью: «Человеку магического обаяния, Кавалеру Дунаевскому».

Как «опер» писал на Дунаевского

Был в неудачах с оперой какой-то рок. Прямо мистика какая-то. Практически на всех концертах и творческих встречах композитору приходили записки: «Не могли бы вы написать крупное произведение». Кто же помнил, что у него уже были написаны симфонические произведения, что великий балетмейстер Касьян Голейзовский восторгался его балетами. Накануне нового, 1951 года он попал в Горьковскую консерваторию на встречу с преподавателями и студентами. Из зала пришла записка: «Почему вы пишете только в легком жанре?» Дальше произошло невероятное. (Я хочу пояснить ситуацию: 1951 год, сталинский режим, аресты, приговоры. В

стране набирала ход кампания против евреев-космополитов. Достаточно было малейшего прокола, чтобы попасть под черновоз этого молота.) И вот Дунаевский неожиданно, вслух для всего зала говорит так, как полагаю бы говорить в интервью радиостанции «Голос Америки»:

«У меня есть фортепианная соната, струнный квартет, и я мог бы написать и оперу. Но нет хорошего либретто. Вот мне из Ленинграда прислали оперное либретто. Но как на него писать? По либретто — героиня в первом акте ставит рекорд, во втором — рекорд, в третьем — рекорд, в четвертом — рекорд...»

После этих слов в зале раздался смех.

«Я хочу написать оперу о сильных чувствах, о любви, о женщине. А меня Большой театр просил написать о колхозной электростанции. О колхозной электростанции написано 16 повестей. Сколько можно?»

Естественно, власть обвинила его в разлагающем поведении — в том, что он якобы был пьян, что хвастался, что у него постоянный столик в ресторане ВТО. Вполне возможно, что усталого Дунаевского накануне вечернего выступления в консерватории в самом деле подлоили, иначе чем объяснить, что он говорил абсолютистские с точки зрения официальной идеологии вещи, которые и с женой-то обсуждать было опасно. В общем, это стало началом почти официальной травли. Призрак оперы оказался грозным.

Заблуждения

Это абсолютное заблуждение — называть его «композитор, обслуживающий идеологию». Скорее ему просто повезло, что его музыкальная гармония оказалась стилистически созвучной революционному темпераменту.

Приведу отрывок из уникального письма, сохраненного старшим сыном композитора Евгением Дунаевским. Письмо 26-го года из Крыма своим своякам — известному актеру Леониду Оболенскому и его жене Клавье — сестре жены композитора.

«В свет выпрыгнула, наконец, моя халтура «Коммунисты». Мне стыдно за мое творчество. Это просто ирония, что первое мое печатное произведение сделано так. Впрочем, такие вещи лучше не пишутся. Но мне стыдно читать эти ноты наряду с симфонической сиютой».

Зависть

Ему много и сильно завидовали. Как можно не завидовать человеку, который может за одну ночь сочинить «Широка страна моя родная» или «Весна идет»? У него был легкий дар Моцарта. И это не могло не вызывать злобы и ненависти со стороны коллег. Лучше всех это объясняет сам Исаак Дунаевский в своем письме 1946 года:

«Дело в том, что одно время (1942—1946 гг.) вокруг моего имени распространялись самые нелепые и безусловно враждебные мнения, будто я исписался и умолок, будто я не в состоянии был образить военную эпоху в песнях. Мало того, некоторые сволочи из ленинградских композиторских кругов напустили туман вокруг моего отъезда из Ленинграда, исказив не только факты, но и придав им двусмысленное толкование. Так, например, моему отъезду 25 мая 1941 года был придан характер бегства из Ленинграда, характер гражданской трусости. Вы же понимаете, что 25 мая 1941 года я не был осведомлен о предстоящей войне, а уехал в поездку с железнодорожным ансамблем, а семья моя 29 мая уехала, как обычно, на дачу под Москву. Я действительно больше не вернулся в Ленинград, так как это было глупо в условиях того времени. Поэтому я предпочел уклониться от перспективы превращения в труп или в лучший случае от перспективы стать дистрофиком, решил принести пользу стране на том участке, на котором застала меня война. Я во главе моего ансамбля, что вам уже известно, изъездил много тысяч километров, нес эту работу заряд песни, призывной и бойрой... За эту работу во время войны я получил два ордена Красной звезды и Знак Почета».

А был ли он обласкан?

Только внешне он принадлежал к числу избранных и пльл по жизни, точно белая яхта, украшенная праздничными флагами. Как музыкант он хотел доказать, что ему как симфонисту, как аранжировщику тоже найдется место на том Олимпе, где в глазах яйцеголовой критики так прочно обосновались Прокофьев и Шостакович. С одной стороны, Дунаевский отдавал должное их таланту, с другой — по-своему относился к тому, что называется «проблемой мелодической доступности». Существует такая легенда о разговоре между Дунаевским и Шостаковичем.

— Мы с тобой, Митя, — говорит Дунаевский Шостаковичу, — самые популярные композиторы.

— Да, Дуня, — отвечает Шостакович. — С той лишь разницей, что все знает мое имя, но никто не знает ни одной моей ноты. Так же, как все знают твои мелодии, но никто не знает, кому они принадлежат...

ЗВУКОВ ПОВЕЛИТЕЛЬ